

УДК 378.091.321(082)
ББК 74.58я43
А38

Серия основана в 2006 году

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *Е. С. Слепович*;
кандидат философских наук, доцент *М. А. Гусаковский*

Академическая лекция: преподавание и исследование : сб. науч.
А38 ст. / под ред. Т. В. Тягуновой, А. А. Полонникова. – Минск : БГУ, 2010. –
280 с. – (Образовательные исследования).
ISBN 978-985-518-433-2.

В сборнике представлены исследования, посвященные эмпирическому анализу лекционной университетской практики. На основе материалов реальных лекционных занятий рассматриваются различные аспекты организации и осуществления практики чтения академической лекции, особенности конспектирования во время лекций, дискурсивного конституирования профессионального Я в преподавательском дискурсе, выявляются коммуникативные и образовательные эффекты чтения академической лекции.

Для преподавателей университетов, исследователей университетского образования, аспирантов, студентов.

УДК 378.091.321(082)
ББК 74.58я43

ISBN 978-985-518-433-2

©БГУ, 2010

ЛЕКЦИЯ¹

Ирвинг Гофман

Нижеследующая работа была первоначально представлена в виде Лекции памяти Катца–Ньюкомба, прочитанной в Мичиганском университете в 1976 году. Она предназначалась для произнесения вслух, и с помощью ее текста и своего выступления я хотел реально проиллюстрировать – а не просто обсудить – некоторые различия между живой речью и печатным словом. Тем не менее исходный формат можно было бы изменить, подвергнув текст небольшой редактуре. Можно было бы опустить указания – лаконичные и не очень – на время, место и обстоятельства; можно было бы вставить сноски, содержащие библиографию по теме, развернутые пояснения и полные ссылки на мимоходом упомянутые источники; можно было бы переформулировать высказывания от первого лица, смягчить категоричные заявления, а также придать тексту другие стилистические и синтаксические черты, подобающие печатным трудам. Иначе читатели могли бы почувствовать себя обманутыми, столкнувшись с текстом, адресованным другим людям, и автором, решившим не утруждать себя переписыванием. Однако я не стал вносить практически никаких правок в надежде, что явная «непричесанность» данной версии прояснит некоторые аспекты фреймирования и, опять же, проиллюстрирует разницу между устной и письменной речью (на этот раз – с другой стороны), хотя и гораздо менее выпукло, чем в случае публикации неотредактированной подробной стенограммы аудиозаписи первоначального выступления, снабженной пофразовыми комментариями относительно жестикуляции, временных интервалов и пропусков. (Подобный вариант был бы продуктивен, но публичное «препарирование» себя требует несколько более серьезного обоснования.) Я привожу этот довод без особой уверенности, поскольку он служит очевидным (хотя и единственно допустимым) оправданием того, что читателям придется иметь дело с текстом, не приспособленным к их способу восприятия. Конечно, подобное насилие над читателями, как и знание о фреймах, которое они могут получить благодаря ему, несколько ограничивается тем фактом, что первоначальное выступление было не импровизацией, а простым зачитыванием машинописного текста и что спонтанные уточнения, добавленные к подлиннику в этой ситуации (а также при чтении работы в других местах), были опущены, – стандартная практика при переводе устной речи в печатную. Используемые знаки препинания соответствуют грамматике письменной речи и идентичны тем, которые применялись в машинописном

¹ *Goffman, E. Lecture // Forms of talk. Philadelphia, 1981. P. 160–196. Пер. с англ. А. М. Корбуа.*

тексте, зачитанном во время выступления, однако то, каким образом они фигурировали в устной версии оригинала, не уточняется – по крайней мере здесь. (Например, кавычки, имеющиеся в прочитанном машинописном варианте, стоят и в предлагаемом ниже тексте, но читателю не сообщается о том, как выделенные подобным образом слова обозначались в речи: с помощью просодических средств, буквальной транслитерации [«кавычки открываются»... «кавычки закрываются»] или/и движений пальцами.) Кроме того, в некоторых местах я не мог удержаться, чтобы не изменить определенное слово или не вставить строчку (на самом деле – абзац-другой) в оригинал, и эти модификации тоже никак не отмечаются. Наконец, я добавил вводную часть, которую вы сейчас читаете, а также библиографические ссылки, позволяющие мне выразить признательность Хаймсу (*Hymes*, 1975) и Бауману (*Bauman*, 1976) за оказанную помощь. И то и другое имеется исключительно в печатном варианте. Так что, сколь бы причудливым ни было исходное выступление, предлагаемое ниже его отредактированное документальное воплощение еще более замысловато. (Схожее обсуждение произнесенной вслух лекции и схожее предупреждение относительно ее письменной версии см. в: *Frake*, 1977.)

I

Мои сегодняшние тема и аргументы являются частью основной сферы моей деятельности: натуралистических исследований человеческих собраний и объединений, то есть форм и обстоятельств взаимодействия лицом к лицу. В частности, форма, о которой будет идти речь, является предметом того, что я называю «анализом фреймов». Других обоснований нет. Поэтому, надеюсь, вы воздержитесь от оценок и не станете сразу думать, будто выбор мной лекции в качестве темы свидетельствует о том, что я – очередной юморист-самоучка, оптимистично рассчитывающий обвести вас вокруг пальца. Я не пытаюсь уклониться от исполнения своих обязанностей перед вами, используя свое положение за кафедрой для разглагольствований о том, что мне наиболее сподручно: о собственном положении за кафедрой. Поступать так значило бы использовать свой статус не по назначению. Мы уже видели немало примеров подобного рода ребяческого оппортунизма в лице инициаторов групповой динамики в классах, представителей левого крыла этнометодологии или сторонников школы исполнительских компиляций Джона Кейджа¹. (Тот, кто заявляет об отказе от подготовленного выступления и намерении начать импровизировать по поводу того, что значит обращаться к вам или что значит сочинять доклады либо вообще формулировать высказывания, жертвует лишь плохо подготовленным выступлением.)

¹ Джон Милтон Кейдж (1912–1992) – американский композитор, один из родоначальников минимализма. – *Прим. пер.*

То, что я знакомлю вас со своими размышлениями при помощи лекции, а не, скажем, через печать или в ходе беседы, кажется мне простой случайностью. По своему смыслу термин «доклад» (paper) может обозначать как что-то напечатанное, так и что-то произнесенное.

Разумеется, ничто из того, что я хотел бы сказать о лекциях, не способно поставить под сомнение предоставляемую ими возможность целенаправленной передачи связного фрагмента информации, в том числе – как в моем случае – относительно чтения лекций. Одно из необходимых условий достоверности моего анализа состоит в том, что я не могу избежать его применения к ситуации изложения его перед вами, однако – и таково второе условие – эта применимость не перечеркивает ни саму мою презентацию, ни выдвигаемые аргументы. Тот, кто читает лекцию об ошибках речи и их исправлении, будет неизбежно делать некоторые из анализируемых им ошибок, но такая невольная демонстрация лишь подтверждает ценность анализа, даже если она бросает тень на речевую компетенцию аналитика. Тот, кто читает лекцию о дискурсивных допущениях, будет крайне косноязычен, пока, сам того не осознавая, не начнет их придерживаться, как и любой другой человек. Тому, кто читает лекцию о вступлениях и извинениях, все равно будет лучше начать свою речь с предварительных оправданий. А тот, кто читает лекцию о лекциях, не имеет никакого особого права читать ее плохо; его описание ошибок выступления будет оцениваться в соответствии с тем, насколько хорошо это описание организовано и подано. Если он не сумеет завладеть вниманием своих слушателей, то его неудачу нельзя будет ретроспективно переопределить как иллюстрацию интерактивной значимости подобной неудачи. Если же он действительно преодолевает ограничения лекционной практики, это делает его докладывающим артистом (performing speaker), а не артистичным докладчиком (speaker performing). (Тому, кто стремится к подобному преодолению и успешно его осуществляет, следовало бы выступать в облегчающем трико и с лютней в руках. Тот же, кто пытается выйти за рамки лекции и терпит неудачу, – как это обычно и происходит, – откровенно глуп, и ему лучше было бы вообще не появляться перед данной аудиторией.) Это не значит, что и другие виды нарушения фрейма столь же явно обречены на провал; например, можно указать на крайне сомнительную процедуру использования мной только что оборота *tom* (he), одновременно являющегося неопределенным местоимением, подразумевающим конкретную половую принадлежность, и не вызывающим нареканий анафорическим термином¹, обозначающим человека вроде меня.

И все же чтение лекции о лекциях имеет, несомненно, свою специфику. Распространяться о чтении лекций перед людьми, сидящими на одной из

¹ Анафора – стилистическая и риторическая фигура, состоящая в повторении родных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда. – *Прим. пер.*

них, – все равно что заставлять их дважды отбывать срок за одно преступление, – жестокое и изощренное наказание. Претендовать перед аудиторией, вроде вашей, на экспертное знание лекций, значит балансировать на тонкой грани между самонадеянностью и идиотизмом. Кроме того, как бы я ни убеждал вас, что мои слова могут, будут и должны строго соответствовать формату лекции, что-то, похоже, выдает меня. Я прекрасно знаю, что до конца своего выступления еще не раз обращусь к только что совершенным мной действиям в целях иллюстрации к сказанному, поскольку непреднамеренная демонстрация у меня наверняка получится лучше, чем умышленное изображение наглядного примера. Но у такого рода всматривания в собственные следы есть допустимый предел. Иллюстрации тоже вызывают вопросы. Тот, кто в ходе лекции о юморе рассказывает анекдоты, имеет право – а может быть, и обязан – рассказывать в том числе несмешные анекдоты, поскольку на самом деле вся соль в анализе, а не в истории; с помощью анализируемых анекдотов он может внести искру в свою презентацию, но не должен позволять им испепелить свои мысли. Точно так же лингвисты, читающие лекции, могут демонстрировать гортанную смычку или альвеолярный щелчок, а орнитологи – птичье пение, не ставя под угрозу определение происходящего в качестве лекции. На лекции о сером гусе снимки его угрожающего поведения совершенно уместны, поскольку слова и фотографии равно отстранены от ситуации, в которой они предъявляются. Лекторы-медики могут даже принести настоящего гуся – если, конечно, он ручной, – и это смутит только птицу. Но когда говорящий изображает угрожающее поведение серого гуся всем своим телом – как это проделывал на моих глазах Конрад Лоренц, – начинает происходить что-то еще, что-то такое, что мог позволить себе только Лоренц, и даже он – не без ущерба для собственной репутации.

Или еще более запутанный случай: если нарушение приличий совершается в качестве примера нарушения приличий, то есть как бы в кавычках, насколько это усиливает отстранение? На лекциях, посвященных пыткам, лекторы, по понятным причинам, не решаются показывать съемки реальных пыток; будет ли менее рискованным, если я покажу подобную запись в качестве иллюстрации того, что нельзя показывать? Будет ли такого двойного удаления от реальных событий достаточно, чтобы мы остались в пределах обездвиженного мира (*unkinetic world*), который по идее должен поддерживаться на лекциях? Наконец, если учесть, что ситуация, *рассматриваемая* на лекции, различными способами отделена от ситуации, в которой лекция *происходит* – а она обязательно должна быть подобным образом отделена, – можно ли обсуждать образцы такого расщепления, не разрушая грань, составляющую предмет внимания? А если вся последующая презентация представляет собой один большой пример шаткости границы между процессом и предметом указания и я с самого начала заявляю, что так оно и есть,

читаю ли я лекцию или совершаю демонстрацию в лекционном зале? Можно ли вообще прямо поставить данный вопрос, не прекратив читать лекцию? Рассказывая подобным образом о гусе, не становлюсь ли я сам этим гусем?

Как вы можете заметить, я ввел вас в обсуждение лекции, сосредоточив разговор на лекторе. О нем же я буду говорить и дальше. Равновесие могло бы восстановить лишь то, чем я не собираюсь заниматься: анализ особенностей поведения аудитории.

II

Лекция – это продолжительное институционализированное высказывание, в ходе которого говорящий излагает свои взгляды на определенный предмет, и эти мысли образуют то, что можно назвать его «текстом». Стиль обычно отличается серьезностью и некоторой безличностью, в то время как руководящей целью выступает спокойное и вдумчивое понимание, а не развлечение, эмоциональное возбуждение или немедленное действие. Правомочность утверждений, составляющих лекцию, обусловлена, по всей видимости, их способностью сообщать истину, которая является тем, что следует культивировать и прояснять отстраненно, хладнокровно, в качестве самоцели.

Зачастую устанавливается кафедра, подчеркивающая тот факт, что слушатели являются «непосредственной аудиторией». Я имею в виду собравшихся индивидов (обычно сидящих), численность которых может заметно варьироваться, не вынуждая оратора (обычно стоящего) менять свой стиль; им разрешено концентрировать пристальное внимание на всем теле говорящего (как на концерте эстрадного артиста), и они могут (по крайней мере, вначале) передавать свою реакцию лишь косвенным путем.

Выступающих перед аудиторией называют «исполнителями» (performers) и говорят, что они осуществляют «исполнение» (performance), в специфическом театральном смысле слова. Тем самым они неявно претендуют на обладание сценическими навыками, без которых обычный человек, вытолкнутый на подмостки, лишь беспомощно топтался бы на месте, вызывая смех, чувство неловкости и глубокое раздражение. И они молчаливо соглашались, чтобы их оценивали в таких категориях те, кто никогда не подвергается подобной аттестации. Это разительно отличается от повседневных разговоров, поскольку в последних, судя по всему, не нужно играть какую-то особую роль, не требуется никакой специфической компетентности, и, безусловно, лишь патологическая застенчивость или какое-либо иное необычное препятствие может помешать хмыкнуть или шевельнуть бровью, чего зачастую бывает вполне достаточно. (Это не значит, что в ситуации разговора люди не могут время от времени пытаться вставить нечто, что призвано развлечь, а не передать мысль, и что, в отличие от собственно разговорной речи, *относительно* слабо связано с составом и числом слушателей.) Так или иначе,

в обычной беседе каждый, кто судит о компетентности другого, знает, что таким же образом оценивают и его самого.

Сфокусированные виды деятельности, предполагающие отношения лицом к лицу, – будь то игры, совместный труд, театральные постановки или разговоры – оказываются успешными или терпят неудачу как формы взаимодействия в той мере, в какой их участники втягиваются и погружаются в особую область бытия, которая может возникать в ходе подобных занятий. Это касается и лекций. Однако, в отличие от игр и спектаклей, о лекциях нельзя открыто заявлять, что их главная задача – захватить внимание. Лекции стремятся к зыбкому идеалу: безусловно, слушателей нужно увлечь так, чтобы время прошло незаметно, но увлечь предметом лекции, а не ужимками лектора; считается, что предмет оказывает на слушателей свое собственное глубокое воздействие, отличающееся от впечатления, производимого удачными или неудачными аспектами презентации. Лекция должна заставить аудиторию забыть о помещении, о поводе, о говорящем и с головой уйти в предмет. Поэтому лектору следует быть не просто исполнителем, а кем-то большим. Заметьте, я не утверждаю, что предмет лекции регулярно увлекает аудиторию; я лишь говорю, что она обращена к увлекающему ее предмету так, чтобы не разрушать явным образом представление о том, будто их увлекает именно текст. В сущности, сказать, что аудитории увлекаются невзирая на текст, а не благодаря ему, значило бы не сильно погрешить против истины; их внимание все время скачет, они то следят за аргументацией говорящего, то нет, ожидая чего-то такого, что по-настоящему захватит их и мгновенно окунет в предмет выступления, чего-то такого, что мне лучше не расписывать, а создавать.

При анализе ситуаций, в которых широко используется речь, – Хаймс назвал их «речевыми событиями» – принято употреблять термин «говорящий» (speaker), что буду делать и я. Однако по сути термин «говорящий» крайне проблематичен. Можно показать, что он исполняет самые разные, несовпадающие функции, так что мы должны использовать его именно в силу данной неоднозначности, а не вопреки ей. В случае лекции одного из присутствующих можно идентифицировать в качестве говорящей машины, вещи, издающей звук, «аниматора». Обычно на лекциях этому человеку также приписывается «авторство» текста, то есть формулирование и запись высказываемых суждений. Кроме того, в нем видят «принципала», а именно человека, который сам верит в утверждаемое и придерживается позиции, подразумеваемой его словами. (Разумеется, лектор, скорее всего, считает, что здравомыслящие люди тоже будут придерживаться описываемой им точки зрения.)

Мне кажется, совмещение в одном лице аниматора, автора и принципала является характерной (в смысле – распространенной и важной) осо-

бенностью лекций. Для них также характерно наделение этого трехликого функционера интеллектуальным, а не институциональным «авторитетом». В силу репутации или положения ему приписывается наличие знаний и опыта в обсуждаемой области, причем знаний и опыта гораздо более обширных, чем у аудитории. Предполагается, что он не должен бороться за право высказывания – по крайней мере, в течение оговоренного промежутка времени, – он получает эту монополию автоматически, вследствие социальных договоренностей. Он вправе держать речь, но, разумеется, не распоряжаться вниманием аудитории, что относится и к тем случаям, когда в центре сцены находится не лектор, а певец, поэт, фокусник или какая-нибудь другая «дрессированная мартышка».

Вслед за лингвистом Кеннетом Пайком можно утверждать, что лекции относятся к широкому классу ситуационных видов деятельности, в которых четко различаются игра и спектакль, то есть непосредственное дело и тот интеракционный «соус», под которым оно подается. (Наиболее явно этот «соус» дает о себе знать на «предыгровой» и «послеигровой» стадиях, то есть в тех суматошных разговорах и беготне, которые непосредственно предшествуют организуемому мероприятию и начинаются сразу по его завершении.) Да и сам термин «лекция» глубоко неоднозначен, поскольку порой отсылает к произносимому тексту, а порой – к социальному событию его произнесения. Впрочем, эта двусмысленность присуща и большинству терминов, обозначающих другие виды сценической деятельности.

Рассмотренная нами композиция – деятельность, совмещающая в себе спектакль и игру, – реализуется в разных форматах: это может быть единичное событие, либо одно из ряда событий, предполагающих ту же самую обстановку, но разных говорящих, либо занятие в рамках курса, то есть последовательности лекций одного человека.

Спектакль, то есть социальные хлопоты, окружающие чтение лекции, иногда носит характер торжественного события (*celebrative occasion*). Под «торжественным событием» я имею в виду общественное мероприятие, которое предвкушается и вспоминается как своего рода праздник, официальное «дело» которого – если таковое вообще можно выделить – не единственная причина для участия в нем; скорее, основное значение целенаправленно придается социальному общению участников, собравшихся вместе ради чествования и прославления чего-либо, пусть даже – лишь собственного социального круга. Кроме того, существует тенденция характеризовать участие с точки зрения вовлеченности всей социальной личности участника, а не только какого-то ее сегмента. (Согласно этому описанию первый и последний показы спектакля могут быть торжественными событиями, но промежуточные постановки – вряд ли; рабочий день в офисе не является особым событием, а рождественская вечеринка, хочется надеяться, – да.) Разовая

«публичная» лекция, читаемая человеком, в остальное время недоступным для аудитории (или произносимая перед аудиторией, в остальное время недоступной для него), часто превращается в торжественное событие, как и выступления перед закрытыми аудиториями в серийном формате. Лекции в рамках университетского курса, читаемые штатным преподавателем, обычно не обозначаются подобным образом, за исключением, иногда, первой и завершающей. У учебных лекций есть другая маргинальная особенность: на слушателей можно официально возложить ответственность за усвоение сказанного, что наносит существенный удар по ритуальному характеру исполнения. На таких лекциях могут вестись конспекты, чему лектор старается всячески способствовать, поскольку конспектирующий предпочитает вынести из занятий сжатые записи, а не опыт. (Стоит добавить, что торжественные события являются основополагающей формой организации нашей публичной жизни, однако они до сих пор практически не изучены.)

Сбор аудитории с помощью информационных сообщений, объявлений среди членов организации, включения лекции в расписание и т. д., приглашение и оплата услуг лектора, техническая поддержка – всё это предполагает наличие организаторов, которые берут на себя (и на которых возлагается) ответственность, что позволяет говорить о них как об «устроителях» или попечителях лекции. Этим может заниматься какой-либо комитет, подразделение университета, профессиональная ассоциация, правительственное учреждение. Как правило, попечительская организация осуществляет свою собственную деятельность и преследует цели, не ограничивающиеся проведением данной лекции. В той мере, в какой лекция является частью торжественного события, это событие будет прославлять устроителей выступления, даже если почести оказываются выступающему и его теме. (Рок-концерт могут организовывать люди, чья деятельность ограничивается лишь проведением этого концерта, поэтому подобное мероприятие вряд ли способно служить прославлению имени его устроителей – промоутеров, надеющихся на более осязаемое вознаграждение.) В ходе торжественных событий, частью которых должна быть лекция, переход от спектакля к игре, от потехи к делу обычно разделяется (в чем вы сегодня сами убедились) на два шага: в первой части выступает один из устроителей, представляющий лектора, во второй – лектор, представляющий свою тему. Иногда партия представляющего сама делится на две части и сначала представляют представляющего, как будто организаторы считают, что данный эпизод можно использовать с максимальной выгодой для себя, если ввести больше чем одного соискателя.

Заметьте, в круг забот организаторов входит не только проведение лекции, но и ее фото-, аудио- и стенографическая фиксация, поскольку она может служить интересам организации не меньше, а то и больше самого выступления. (Яркий пример – благотворительный сбор в пользу какой-

нибудь достойной организации, затраты на проведение которого обычно едва окупаются выручкой от продажи билетов; его настоящая негласная цель – засветиться в газетах.) Реклама лекции – это, очевидно, также реклама ее устроителей, как и освещение лекции в прессе. (В этой связи представляют интерес университетские студенческие газеты. Якобы служащие выражению независимого, или даже оппозиционного, мнения студентов, они на самом деле функционируют в качестве рупоров администраций, освещая то, что в противном случае могло бы благополучно остаться незамеченным.)

Здесь обнаруживается явная связь между формальными организациями и «системой звезд». Самооценка попечительских организаций часто зависит от степени публичной поддержки и одобрения, признания их существования и миссии, даже если их финансовые ресурсы оставляют желать лучшего. Главный способ заявить общественности о своей попечительской деятельности – прорекламировать празднование какого-либо памятного события и обеспечить его освещение прессой. Чтобы сделать событие значимым для широкой публики, неплохо бы запланировать появление одного-двух именитых лиц. Благодаря этому пространственно удаленная публика получит повод отправиться в путь, чтобы стать свидетелями события. В некотором смысле распространяемая институтом реклама предвосхищает публичное появление известной фигуры, а известная фигура способствует презентации того, что нуждается в широкой рекламе. Поэтому можно сказать, что и большие залы строятся не с целью размещения множества людей, а для обеспечения широкой огласки. Разумеется, престиж лектора важен в другом отношении: своим авторитетом выступающий повышает статус организации-устроителя и проводимых ею общественных мероприятий, очевидно, в силу того допущения, что достойные люди участвуют только в достойных делах. «Одадживая» подобным образом свое имя, лектор получает взамен широкую известность и гонорар – в дополнение к теплоте приему его слов и возможности их донесения до аудитории. Во всем этом мы видим указания на связь между социальными событиями и социальными структурами, намеки на политику церемоний, а также возможность иного подхода, согласно которому высокое положение определяется не столько отличительными заслугами, сколько организационными потребностями попечителей и проводимых ими мероприятий.

В таком случае, между устроителями и лектором может существовать неявное, если не сказать «дьявольское», соглашение. И соблюдаться оно может ценой самой лекции как способа передачи знаний. Лектора побуждают подгонять свои высказывания под уровень понимания многочисленной аудитории – аудитории достаточно большой, чтобы обеспечить празднование и окупить затраты. Его побуждают говорить столько времени, сколько аудитория способна выдержать, и при этом использовать приемы, которые будут

поддерживать интерес собравшихся. Наконец, его побуждают стойко переносить любого рода грубые вмешательства со стороны журналистов, фотографов, звукотехников, равно как и прочие помехи, нередко возникающие в самый разгар мероприятия. (Если в какой-то момент вы захотите убедиться, что говорящий действительно целиком погружен в содержание сообщения, обратите внимание, сколь умело он игнорирует фотографов, будто бы ничуть не мешающих его выступлению. Подобная откровенная невнимательность может быть, конечно, следствием его увлеченности общением с вами, а не тягой к публичности, но не стоит сильно на это рассчитывать.)

Наконец, следует отметить, что хотя чтение лекции может быть основной целью социального события, частью которого оно является – что, по-видимому, было бы идеально с точки зрения выступающих, – обычно всё по-другому. В Соединенных Штатах, например, существует институт «обеденных лекторов» (lunch speakers) и бытует представление о том, что регулярное совместное принятие пищи членами организации будет ущербным без приглашенного докладчика, личность или тема лекции которого – далеко не самый главный фактор при его выборе; часто им оказывается первый подвернувшийся под руку лектор, выступающий за деньги. (Конечно, во многих случаях нам было бы естественнее называть такого рода обеденные представления «произнесением речи», а не «чтением лекции», имея в виду принципиальную разницу в систематичности изложения темы.) При этом как выступающий может работать на событие, так и событие может работать на выступающего, например, в том случае, когда политика приглашают, чтобы украсить местное собрание, хотя его основная цель – донести свои слова до аудитории средств массовой информации.

III

Все, что я говорил до сих пор о лекциях, вполне очевидно и не требует специальной точки зрения; теперь мы переходим к более глубоким вопросам.

В нашем обществе известны три способа представления устной речи: *повторение по памяти*, *чтение вслух* (наподобие того, которым я занимался до сих пор) и *импровизированная речь*. В случае импровизированной речи аниматор сочиняет текст в каждый момент времени или, по крайней мере, в каждой клаузе¹. Это создает впечатление, что формулирование слов происходит в ответ на текущую ситуацию их произнесения, в том числе с учетом состава присутствующих и содержания головы говорящего, а также (хотя не только) того, что можно было бы предусмотреть или предугадать. Повторение по памяти иногда используется на лекциях, но отнюдь не повсеместно.

¹ Клауза – в лингвистической теории, элементарное предложение, т. е. любая группа слов, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки. – *Прим. перев.*

(Театральные роли представляют собой более сложный случай: они произносятся так, будто являются импровизированной речью, и хотя все знают, что их заучивают наизусть, это знание не должно оглашаться; все должны делать вид, что наблюдают импровизацию.) Распространенный способ подачи материала на лекциях – чтение вслух. Общим идеалом, вероятно, выступает импровизированная речь, которая (в сопровождении подготовительных записей) встречается довольно часто.

Повторение по памяти, чтение вслух и импровизированная речь – различные способы изложения высказываний. Каждый из них предполагает особую форму отношений между говорящим и слушающим, обеспечивая лектора специфической «опорой» (*footing*) в отношении аудитории. Переходы от одной из трех форм к другой, то есть «изменение способа производства», означают для говорящего смену опоры и, как станет понятно, играют ключевую роль при чтении лекций. Главный вопрос, который будет рассмотрен ниже, – зависимость значительного числа лекций (за исключением настоящей, в силу моей некомпетентности) от иллюзии импровизированной речи. Добавлю, что дикторы на радио в еще большей степени заняты поддержанием подобного рода зыбкого впечатления.

Следует отметить, что импровизированная речь сама по себе – отчасти иллюзия; она никогда не бывает настолько импровизированной, как кажется. Очевидно, мы строим свои высказывания из сегментов длиной с фразу и клаузу, каждый из которых в определенном смысле сначала формулируется в уме, а затем воспроизводится. Во время произнесения одного сегмента необходимо мысленно формулировать следующий, так, чтобы они сменяли друг друга без превышения допустимого лимита пауз, возобновлений, повторов, перескакиваний и других лингвистически обнаружимых огрехов. Лекторы отмечают естественный поворотный момент в овладении навыком импровизированной речи, когда чувствуют, что способны заканчивать определенный сегмент, не зная, что будет дальше, но будучи уверенными, что они смогут (причем вовремя) предложить нечто грамматически и тематически приемлемое, при этом ничем не обнаружив случившегося кризиса производства. Они также отмечают естественный поворотный момент в практике импровизации *или* чтения вслух, когда понимают, что способны задумываться о том, как они действуют, о том, не слишком ли рано или не слишком ли поздно заканчивать, а также о том, что они собираются делать дальше, ничем не выдавая свои «закулисные» размышления, поскольку если такого рода озабоченность станет явной, это поставит под угрозу иллюзию того, что они надлежащим образом вовлечены в коммуникацию.

Выше я утверждал, что текст лекции можно с тем же успехом передать посредством печатной или неформальной речи. Если это так, тогда содержание лекции не должно считаться отличительной и характерной особен-

ностью практики ее чтения. Максимум, что мы имеем, – это специфические особенности чтения какого-либо конкретного текста в формате лекции, т. е. пересечение, связку текста и ситуации его преподнесения. Остается лишь форма, интеракционная оболочка – коробка, а не торт. Я полагаю, что эти интеракционные аспекты можно выявить, лишь всесторонне и тщательно рассмотрев вопрос о взаимоотношениях говорящего с самим собой – вопрос, который легко поддается взвешенному анализу в письменном тексте, но который трудно сделать предметом лекции, не злоупотребив при этом своим положением за кафедрой. Я вправе овладевать вашим вниманием и направлять его на ту или иную подходящую тему, включая меня самого, если я способен включить этот конкретный предмет в определенное тематическое событие или точку зрения. Я вправе – по правде говоря, я обязан – поддерживать коммуникативный процесс (независимо от того, являюсь я героем собственной речи или нет) с помощью любых уместных жестов и пристойных телодвижений. Однако если в силу сказанного мной вы концентрируете внимание на сопутствующей анимации, если из-за моих реплик вы фокусируетесь на процессе их произнесения, тогда под угрозой оказывается само структурное ядро речевых актов: разделение между внутренней и внешней стороной слов, между областью дискурсивных значений и механикой производства дискурса. Эта разделительная линия, эта мембрана, эта грань очень хрупка; происходящее с ней во многом определяет удовольствие и разочарование, доставляемые конкретным событием.

IV

Теперь рассмотрим опорные конструкции и их смену, иными словами – различные формы, которые может принимать Я высказывающегося, различные Я-проекции, обнаружимые в том, что говорится и делается за кафедрой.

В центре, безусловно, находится текстуальное Я, то есть человек, который стоит за произносимыми высказываниями и которому приписывается их авторство. Обычно такое Я имеет относительно длинную историю, поскольку говорящий выступал в этом качестве задолго до текущего выступления. Именно это Я окружающие считают автором различных публикаций, приверженцем различных взглядов и т. д. Как часто бывает в подобных случаях, для обозначения соответствующего качества и подразумеваемой этим специфическим Я позиции в отношении аудитории говорящий может использовать термин «я» или даже «мы», однако подобное эксплицитное употребление местоимений не обязательно. Иногда вместе с этим академическим голосом встречается соответствующий историко-эмпирический голос, звучащий при воспроизведении лектором определенного эпизода из своего прошлого, в ходе которого произошло нечто релевантное для основного текста. (Лекция, читаемая вернувшимся домой военным корреспондентом или дипломатом,

будет полна такого рода вещей, равно как и лекции маститых ученых, вспоминающих о своих личных встречах с прославленными коллегами.) Обратите внимание: это текстуальное Я, подразумеваемое и проецируемое в процессе передачи знаний или исторически релевантного личного опыта, может быть полностью передано при помощи печати; его можно целиком отразить в опубликованной версии текста лекции, поскольку оно производно от самого этого текста, а не, скажем, от способа его подачи в каждом конкретном случае. Примечательно, что это Я может проецироваться, даже когда автор заболел и его обращение должен зачитать заменяющий его человек.

Однако, если честно, наиболее интересной и аналитически релевантной особенностью лекции как исполнения является не текстуальная позиция, проецируемая в ходе ее чтения, а дополнительные опорные конструкции, которые могут одновременно использоваться с единственной целью – «оттенить» производимое текстом впечатление. Я имею в виду различные формы изменения дистанции (некоторые – очень непродолжительные), которые служат подвижным контрапунктом текста, а также уточняющие комментарии и жесты, относящиеся не к содержанию текста, а к механике его сообщения в данном конкретном случае и в данных конкретных обстоятельствах.

Во-первых, на текст наслаиваются «переключения» (keyings). Даже в серьезной научной публикации могут содержаться пассажи, которые не нужно интерпретировать «прямо», а скорее следует понимать как сарказм, иронию, «сказанное с чужих слов» и т. п. Однако подобного рода самоустранение из буквального содержания собственных высказываний гораздо более распространено в устных сообщениях, поскольку в них могут использоваться голосовые подсказки, обозначающие границы цитируемого отрезка и его отличие от нормального потока речи. (Это не значит, что подобные паралингвистические маркеры можно тут же удовлетворительно идентифицировать, не говоря уже – транскрибировать.) Так, компетентный лектор способен прочитать ремарку с насмешкой в голосе или отстраниться от высказывания, чуть приподняв свои вокальные «брови». И наоборот, приступив к чтению определенного пассажа, он может разрушить установленную им дистанцию, так что его голос исполнится чувства, убежденности и даже страсти. Осознание невозможности передать вокальную окраску этих фрагментов на печати создает у слушателей ощущение того, что они имеют привилегированный доступ к мыслям автора, что живое слушание обеспечивает контакт, который не дает чтение.

Во-вторых, рассмотрим текстовые скобки. Как вы знаете, работы, предназначенные для публикации, а не для чтения, чаще всего содержат введение и заключение. Эти скобочные фрагменты преподносятся аудитории с иной интонацией, нежели основной текст. Но при этом не происходит ничего даже отдаленно похожего на смену опоры, хотя, нужно признать, в полно-

форматных книгах такая смена, скорее всего, будет иметь место. В случае же докладов, *произносимых вслух*, текстовые скобки предполагают тонкую работу в пределах одной опорной конструкции. Считается, что введение намечает перспективу предстоящего обсуждения. Говорящий делится с нами тем, что он еще мог бы, но не будет рассказывать, а также своими опасениями относительно последующих слов, так что если мы сочтем дальнейшее выступление слабым, ограниченным, спекулятивным, самоуверенным, скучным, педантичным и т. п., мы будем понимать (как он надеется), что говорящего не следует отождествлять только с услышанным. Кроме того, введение призвано показать, что, помимо высокоценного Я, подразумеваемого самим фактом продолжительного выступления на серьезную тему перед группой людей, докладчику следует приписывать обычные человеческие качества: скромность, неприязнительность, здравомыслие, готовность отказаться от помпезности в ходе презентации, наконец, желание того, чтобы текстуальное Я, которое появится в дальнейшем, не отождествлялось со всей его личностью, по крайней мере собравшимися.

Заключительные комментарии исполняют схожую функцию, на этот раз позволяя говорящему «спешиться», перейти обратно от текстуального Я к Я спонтанному, реагирующему на ситуацию, показать, что путь, избранный в лекции, – лишь один из возможных путей, а заодно вернуться в аудиторию в качестве одного из ее членов, такого же, как и все остальные. Если проводить аналогию, то заключительное слово – это нечто среднее между вызовом актера на сцену по окончании спектакля, когда исполнитель, наконец, сбрасывает с себя маску персонажа пьесы, и кодой (в терминологии Лабова), перекидывающей мостик от ситуации, в которой рассказчик принимал участие как протагонист, к текущей ситуации человека, стоящего перед слушателями. В целях такого «понижения передачи» говорящий может, разумеется, перейти к более непринужденным и неформальным ответам на вопросы, благодаря которым некоторые члены аудитории получают возможность вступить в прямой разговорный контакт с лектором, что фактически символизирует смену обстоятельств для него и для всех собравшихся. В конце концов, ответы на вопросы требуют импровизации. Другими словами, ответы на вопросы вынуждают менять способ изложения с чтения вслух на импровизированную речь, для обозначения чего говорящие часто используют ритуальные приемы постановки скобок, вроде закуривания сигареты, смены стоячего положения на сидячее, отпивания воды из стакана и т. д. Возвращаясь к предложенному выше различению, можно сказать, что введения и заключения, то есть скобочные формы выражения, располагаются на стыке между спектаклем и игрой, в данном случае – между лекцией и событием ее чтения. Если не принимать во внимание период ответов на вопросы, то предваряющие и заключительные комментарии обычно делаются с помо-

стью импровизированной речи или ее более серьезной симуляции, нежели та, что наблюдается в процессе чтения самой лекции. Эти комментарии, как правило, содержат прямое указание на то, что касается лишь данного социального события и данной аудитории. Обратите внимание: когда на одной сцене выступают сразу несколько говорящих, миниверсии открывающих и закрывающих скобок могут появляться *в ходе* самой презентации, иногда – при переназначении центральной фигуры, что указывает на переход роли говорящего от одного человека к другому.

Итак, есть текстовые скобки. В-третьих, существуют вводные (parenthetical) замечания. Если вновь обратиться сначала к *печатному* тексту – предназначенному для чтения, а не выслушивания, – то обнаружится, что автор вправе делать вводные реплики, поясняющие, развивающие, отвлекающие, оправдывающие, страхующие, комментирующие и т. п. Эти непродолжительные изменения голоса, эти кратковременные смены опоры могут обозначаться на печати скобками, тире и пр. Либо может применяться тяжеловесный механизм сносок. (Сноски настолько институционализированы в качестве способа обозначения подобной смены голоса, что человек, не являющийся автором, например редактор или переводчик, тоже может использовать сноски для комментирования текста голосом, который заведомо кардинально отличается от голоса в тексте.) С помощью всех этих приемов писатель на короткое время меняет опорную конструкцию всего текста в целом, открываясь тем самым читателю с несколько иной стороны. Заметьте, подобные уточнения обычно расширяют «производственную базу» читателя, предоставляя ему больше сведений об обстоятельствах и мнениях автора, нежели голый текст.

В устном тексте, как и в печатном, легко воспроизводимые на печати вводные замечания остаются, однако теперь они значительно усиливаются репликами, которые вряд ли появятся в печатной версии выступления. (Как известно, рекламисты порой используют один прием: они помещают на полях печатного текста заметки, набранные рукописным шрифтом, которые должны, по замыслу, создавать впечатление оживленных раздумий, обеспечивая тем самым переключение на способ коммуникации, изначально не предназначенный для печати, способ коммуникации, который призван свидетельствовать об упорной работе мысли.) Словом, по ходу выступления говорящий почти наверняка будет делать замечания, поясняющие, развивающие и интерпретирующие содержание текста, тем самым дополняя вводные комментарии, которые могли бы появиться в печатной версии. Хотя эти замечания могут быть всецело научными и серьезными, они все же изменяют позицию говорящего по отношению к слушателю, изменяют опорную конструкцию, которая теперь отсылает к новому аспекту Я, отличающемуся от того, который проецировался до сих пор. На печати таких результатов можно добиться лишь частично, прибегнув к ближайшим эквивалентам: репликам в скобках и сноскам.

Вводные слова крайне интересны с точки зрения интеракции. С одной стороны, они ориентированы на текст, с другой – они позволяют тесно связать атмосферу события со специфическим интересом и составом конкретной аудитории. (Заметьте, в разговоре, в отличие от лекции, за один раз произносится только одна фраза или клауза, что позволяет говорящему откликаться на непосредственно складывающиеся обстоятельства с помощью слов, используемых для построения основного текста.) Вводные замечания передают уточняющие мысли, к которым говорящий якобы пришел в данный момент. Говорящий как бы становится поверенным собственных высказываний, посредником между текстом и аудиторией, инструментом, способным улавливать невербально выражаемые интересы слушателей и реагировать на них, исходя из текста, а также всех своих знаний и опыта.

Для вводных реплик прекрасно подходит импровизированная речь, причем даже больше, чем для скобочных замечаний, поскольку каким еще образом говорящий может отреагировать на траекторию *текущей* ситуации? Отметим, что, хотя спонтанные ответы на ими самими «подсказанные» аудитории вопросы симулируют лишь политики и другие сорвиголовы, очень многие говорящие изображают импровизированную речь, делая вводные замечания. Говорящий заранее предусматривает некоторые из таких реплик и может даже включать их в копию текста, предназначенную для зачитывания, в форме записок, напоминающих о той опорной конструкции, которую нужно использовать при их произнесении. Все это, заметьте, роднит лекции с историями из жизни или анекдотами: рассказчик может (и его побуждают к этому) говорить так, словно он делает это в первый и последний раз. Единственное ограничение состоит в том, что никто в аудитории не должен слышать его исполнение раньше. По сути, любая коммуникация в чем-то поощряет иллюзию «первого и последнего раза».

В этом есть определенная ирония. Бывает, что в некоторые мгновения лекции говорящий кажется наиболее чувствительным к атмосфере события и лучше всего готовым с помощью остроумных и спонтанных реакций продемонстрировать, насколько полно он мобилизовал свой дух и ум на данный момент. Но эти же минуты вдохновения зачастую являются и самыми подозрительными. В такие моменты говорящий, скорее всего, сообщает то, что он когда-то выучил наизусть; ему случайно приходит на ум высказывание, которое столь уместно, что он не может устоять перед искушением повторно использовать его в данном месте своей речи. Или взять такой грубый пример, как рассказанный между делом анекдот. Он рассказывается так, словно его сообщение не было запланировано, просто сейчас история оказалась настолько уместной, что говорящий не мог не поведать ее, даже несмотря на некоторое отклонение от темы. В этот бесспорно удобный момент редко кто задумывается о том, что анекдоты специально предназначены для подходя-

щих ситуаций. Как и в случае находчивых ответов, стандартных извинений и других универсальных связок (joints) дискурса, истоки релевантности здесь следует искать не столько в ситуации, сколько во внутренней организации самого анекдота. Короткие рассказы, которые мы позволяем себе включать в текущую речь, мы, скорее всего, вставляли и в другие выступления, не говоря уже о прошлых презентациях данного текста.

Если позволите, я сделаю короткое отступление. Вводные уточнения встречаются в любых видах коммуникации, хотя в разных формах они играют разную роль. В ходе беседы рассказчик, занятый изложением истории, как бы перебивает свою речь, полностью разрушая фрейм повествования, чтобы вставить пропущенную деталь, или разъяснить подоплеку, релевантность которой стала очевидной только теперь, или предупредить слушателей о том, что вот-вот произойдет кульминационное событие. Во время поп-концерта певцы между песнями обычно переходят к прямой речи, делая замечания за рамками фрейма, которые служат переходами между композициями; при этом они выступают от «собственного» имени, а не от лица персонажей своих песенных драм. Иногда они настолько увлекаются фигурой, которую «кроют», когда не поют, что начинают вести себя подобно эстрадным комикам, растягивая эти переходные моменты. Другого рода пример – чтение собственных стихов. Как и в случае пения, сегментированный характер выступления в той или иной степени требует промежуточных переходов от одного фрагмента к другому, однако у поэтов гораздо меньше возможностей для проецирования в эти моменты. Поэзия сама по себе заключается в развитии уточняющих и побочных линий, которые поэт может разрабатывать в рамках некоей заданной темы; в тексте должны быть сжато представлены аллюзии на большую часть того, что мог бы добавить живой комментатор, и желательно, чтобы это звучало спонтанно. Начать «кроить» фигуру, говорящую о стихотворении, – значит перестать «кроить» фигуру, действующую в нем.

Вернемся обратно. Заключение в скобки и вводные ремарки, а также переключения, наслаивающиеся на текущий текст, гораздо больше, чем сам текст, говорят о ситуации, в которой читается лекция, в противоположность ситуации, о которой читается лекция. К тому же, эти реплики могут содержать элементы биографического опыта говорящего-автора, обусловленные присутствием *данного* конкретного выступающего, а не просто некоего докладчика. Именно поэтому печатные версии произнесенного текста чаще всего лишены предваряющих и текстовых отступлений, которые оживляют устную презентацию: то, что привлекательно и релевантно для физически присутствующей аудитории, вряд ли будет уместно и удобно для читателей. Дело не столько в том, что непосредственно присутствующая аудитория и читатели находятся в разных обстоятельствах – хотя это действительно так, – сколько в том, что говорящий может прямо воспринимать обстоятельства

своих реципиентов, а писатель – нет. Тематические и локальные аспекты, которые говорящий может упоминать и на которые он может реагировать, нельзя затронуть в печатном тексте. А именно такая реакция способна придать социальному событию осязаемый характер.

Рассмотрим теперь некоторые слова, используемые говорящими для описания своей аудитории, – слова, во многом сходные с теми, что употребляются любыми другими сценическими исполнителями. Аудитория, которая кажется говорящему «неотзывчивой», аудитория, которая не принимает маленьких жемчужин докладчика и не дает обратной связи в виде смеха или каких-либо иных знаков внимания, будет вынуждать его строго придерживаться оригинала. Аудитория «хорошая», или «тепло встречающая», т. е. такая, которая реагирует мгновенно и слышимо, откликаясь на его слова с охотой и одобрением, которая демонстрирует готовность понимать его намеки и саркастические замечания именно так, как он задумывал, скорее всего, будет побуждать говорящего длить каждую фразу или формулировку, вызывающую ответную реакцию, – он будет продолжать импровизировать в данном направлении до тех пор, пока аудитория показывает своими жестами, что он попадает в точку. Это напоминает подбор слов на слух, которым, по мнению Альберта Лорда¹, занимаются чтецы эпической поэзии. (Иногда, чтобы аудитория была «тепло встречающей», ее нужно «разогреть», чего осознанно добиваются во время эстрадных концертов, хотя на лекциях этому моменту обычно уделяют мало внимания.) Опять же, заметьте, пояснения в форме импровизированной речи, являющиеся реакцией на реакцию аудитории, вряд ли найдут отражение в печатной версии выступления, поскольку писателю неоткуда взять реакцию, побуждающую к такого рода репликам.

Понять ситуационную работу использования наслаиваемых переключений, текстовых скобок и вводных высказываний можно, если подвергнуть рассмотрению эффекты дисфории², возникающие в том случае, когда обстоятельства требуют, чтобы речь автора прочитал кто-то другой. Эта замещающая речь может быть наполнена таким же количеством различных «я» и других самоадресаций, как и нормальное выступление. Она даже, вслед за текстом, может строиться в стиле, подходящем для говорения, а не для чтения. Но она все же не способна обеспечить обычные переключения, скобки и вводные пояснения. Говорящий, не являющийся автором, то есть

¹ Альберт Лорд (1912–1991) – американский литературовед, один из основателей теории «формульного стиля» в эпосе. Известен своей классической книгой «Сказитель», опубликованной в 1960 году. – *Прим. пер.*

² Дисфория – в психиатрии, форма болезненно пониженного настроения, характеризующаяся злобностью, мрачной раздражительностью, чувством неприязни к окружающим. В данном случае речь идет о мучительном, неприятном характере описываемой ситуации. – *Прим. пер.*

заменяющий его, может предпослать чтению авторского текста объяснение того, почему он делает это, признавшись с самого начала, что «я» в тексте – это, конечно же, не он (хотя он все равно будет использовать данный оборот); в процессе чтения он может даже разрушать фрейм и вставлять собственные вводные комментарии, как это делает редактор печатного текста в редакторских примечаниях. Однако произнесение того или иного пассажа с иронией или страстью привело бы к путанице. Чья это ирония? Чья страсть? Использование вводных выражений чревато такой же дилеммой, поскольку в данном случае импровизированные отступления могут передавать лишь мысли второго автора. Дублер, отклоняющийся от текста, должен понимать, что его действия слишком легко расценить как оплошность. В любом случае, все эти изменения опоры происходят на очень глубоком уровне; Я аниматора по-прежнему проецируется, но на этот раз оно не совпадает с автором текста, что лишь углубляет разрыв, преодолеваемый успешной лекцией. Подобная аранжировка ставит под угрозу ритуальные элементы презентации. (Неудивительно, что дублирование часто встречается на профессиональных конференциях, где на одной секции могут докладывать о своей работе три-пять ничем не примечательных авторов, так что отсутствие одного или двух из них лишь незначительно снижает ритуальную интенсивность события.)

Выше были упомянуты три места для смены опорных конструкций: переключающие пассажи, текстовые скобки и вводные замечания. В довершение рассмотрим – ценой длинного отступления – четвертое место, связанное с управлением непредвиденными обстоятельствами исполнения.

Любая передача сигналов по какому-либо каналу обязательно сопровождается «шумом», то есть сообщениями, которые не являются частью послания и понижают его чистоту. В телефонной связи такой помехой выступает звук, при телевизионной трансляции – как подсказывает название – звук и свет. (Я полагаю, люди, читающие текст на брайле¹, могут сталкиваться с осязательным шумом.)

Тем, кто смотрит телевизор, абсолютно понятно, что искажение принимаемого сигнала может иметь совершенно разные источники: помехи в студии, поломку в телевизоре, работающий неподалеку электронный прибор, вроде индукционной катушки, и пр. Разумеется, установление источника помех имеет вполне прагматические причины; например, когда виновником является станция, она может информировать об этом аудиторию с помощью особого визуального или звукового сигнала. Или взглянем на телефон. Во время обычного телефонного разговора трубка прилегает к уху, так что беспокоиться о шуме в этой контактной точке системы нет необходимости; в худшем случае придется просто прикрыть второе ухо. Пример телеviso-

¹ Брайль – азбука и шрифт, используемые для написания текстов для слепых. – *Прим. пер.*

ров (и телефонов с громкой связью) показывает, что в коммуникационную систему между точкой испускания сигнала и получателем может проникать довольно сильный шум, как бывает, когда пытаешься расслышать «ушное» радио сквозь грохот неизолированного двигателя или словить радиопрограмму в эфире. Кроме того, очевидно, что говорящий и слушающий не смогут эффективно коммуницировать по телефону при наличии у кого-либо из них физических недостатков, например, когда у одного ларингит или у второго проблемы со слухом. Если расширить значение термина «шум», то все подобные ограничения передачи тоже могут стать предметом анализа.

Я останавливаюсь на этих очевидных моментах, чтобы обосновать следующие утверждения: там, где есть коммуникация, есть и шум; коммуникативную систему можно рассматривать как многоуровневую композитную структуру, включающую электронный, физический, биологический и прочие уровни; эффективная коммуникация чувствительна к источникам шума, находящимся на разных уровнях в структуре поддерживающей ее системы.

Далее необходимо отметить, что в любой коммуникативной системе реципиенты вырабатывают определенную невосприимчивость к различным формам шума, они могут игнорировать подобный звук, не особо отвлекаясь на него. Благодаря такой установке реципиентов отправители получают возможность вести их за собой. Кроме того, даже если шум мешает, получатели и отправители проявляют безразличие к нему, обращаясь с ним так, словно его нет. И вне зависимости от того, создает помехи конкретный источник шума или нет, участники коммуникативной системы могут предпринимать физические действия, призванные улучшить рецепцию.

Для полноты картины необходимо лишь добавить, что отправителям доступен еще один способ действия. Независимо от того, предпринимают ли они физические попытки улучшить передачу или нет, они могут прямо сообщить о затруднении и о своих усилиях по его устранению (если таковые имеют место), используя вводные замечания. Эти реплики неизбежно разрушают фрейм, поскольку, вместо передачи ожидаемого текста, отправитель передает комментарии относительно передачи. У отправителей есть самые разные мотивы для совершения подобных действий. Они могут не хотеть, чтобы помеха, возникшая в коммуникации, осталась без объяснения или оправдания, вероятно, надеясь, что в таком случае на них не будут возлагать вину за возникший сбой. Или им может казаться, что поддержание видимости невозмутимости само может стать помехой для участвующих сторон и что открытое признание затруднения избавит слушающих от необходимости изображать безразличие. Либо они могут считать нужным предупредить иные интерпретации возникшей заминки.

Вернемся теперь к рассматриваемой коммуникативной системе – лекции. Очевидно, что шум, возникающий в ходе лекции, может носить звуковой

или визуальной характер, а его источник может находиться в самых разных местах, скажем, за стенами аудитории, внутри помещения, среди собравшихся или за кафедрой. Последнее место особенно важно, потому что шум со стороны кафедры гораздо сложнее проигнорировать, нежели шум из мест, которым аудитория не обязана уделять внимание.

Как источник потенциального шума кафедра представляет собой многоуровневое явление. Одним из источников шума мы обязаны тому факту, что у лекторов есть тела, а тела могут легко производить визуальные и звуковые эффекты, не связанные с потоком речи и способные вносить помехи. Говорящий должен дышать, поворачиваться, время от времени почесываться; у него может возникнуть желание кашлянуть, пригладить волосы, расправить рубашку, шмыгнуть носом, глотнуть воды, повертеть в пальцах свои украшения, протереть очки, чихнуть, переступить с ноги на ногу, размять конечности, манерно застегнуть и расстегнуть пиджак, перевернуть страницы и выровнять их и т. д.; не говоря уже о цеплянии за ковер или появлении с расстегнутой ширинкой. Обратите внимание: эти телесные заминки могут в равной степени досаждать и таким искушенным эстрадным исполнителям, как певцы, экстрасенсы и юмористы.

Другой структурный источник шума может быть расположен еще ближе к источнику передачи, – это мелкие особенности человеческого речевого аппарата, влияющие на произнесение высказываний, например, шепелявость, заячья губа, ларингит, аффекация речи, сильный акцент, кривошея, присвистывание и т. д. Их можно назвать аппаратными искажениями, но человеческого, а не электронного типа. Эти искажения сопоставимы с теми, которые вносят в концерт неправильно настроенные инструменты, в разговор двух людей – косоглазие одного из них, в общение с печатной страницей – сползание строк, в показ слайдов – плохое освещение и, разумеется, в выступление на сцене – неисправный микрофон.

Изъяны человеческого звукового аппарата как класс не подвергались систематическому изучению, однако существуют исследования очень близкого источника затруднений: недостатков кодирования, дифференцированно связанных с элементами речевого потока. Говорение неизбежно сопровождается тем, что можно лингвистически определить как дефекты: паузы (заполняемые и нет), возобновления, перескакивания, повторения, неразборчивые слова, случайные двусмысленности, поиски подходящего слова, пропуски и т. д. Что именно станет помехой, в значительной степени определяется используемой речевой формой – импровизированной речью, повторением по памяти или зачитыванием.

Во время лекций определенные аппаратные и кодировочные искажения неизбежны; они означают, что в коммуникации участвует живое тело и соответствующее Я, в качестве которого присутствует и действует говорящий, хотя и невпопад. Этому Я отводится свое особое место. Вполне допусти-

мо поправить себя, если ты начал неправильно произносить слово. Также нормально прочистить горло или даже отхлебнуть воды, при условии, что такие отступления происходят в промежутках между сегментами речи – за исключением, разве что, текущего, поскольку только в данном промежутке столь незначительное отступление было бы не отступлением, а крайне хитроумной театрализацией, ценной лишь в качестве фрейм-аналитической иллюстрации изъязнов исполнения. Одним словом, предполагается, что внимание, которое уделяют всем этим маневрам говорящие или слушающие, отвлекается от основного предмета интереса. Данное Я должно занимать очень ограниченное место.

Заметьте, то, что определяется здесь как аппаратный и кодировочный шум, должно игнорироваться, как обычно и происходит. Однако время от времени эти источники создают помехи – визуальные и звуковые, – которые аудитории сложно обойти вниманием, тем более когда она обязана прилагать к этому усилия. К тому же иногда возникает шум, который, как правильно или ошибочно *чувствует* говорящий, аудитория не может легко проигнорировать, либо ей нельзя позволить это сделать. (Последняя ситуация имеет место, например, когда говорящий излагает ошибочный факт, который остался бы незамеченным, если бы докладчик не поправился.) В ответ говорящий может испытать желание предоставить краткое объяснение, извинение или оправдание. Эти корректирующие реплики носят откровенно вводный характер, иногда откалываясь от основного потока официальной текстовой коммуникации, но все равно оставаясь понятными. Таким образом, существует не только незамечаемый поток событий, но и, порой, обособленный поток вербальной коммуникации. И, подобно аппаратным и кодировочным искажениям, реакцией на которые он является, этот поток коммуникации предполагает Я, претендующее на внимание аудитории, даже если это означает некоторое ущемление других Я, проецируемых одновременно с ним. В конце концов, аниматор имеет право не только кашлять, но и, в некоторых обстоятельствах, затягивать перерыв, принося извинения за свои действия. Разумеется, тот, кто заменяет автора при чтении (или переводчик), может совершать такого же рода ошибки и, прося за них прощение, проецировать такое же Я.

Словом, докладчики неизбежно занимают структурную позицию, позволяющую им уклоняться от обязанности передавать свои тексты, вместо этого комментируя особенности самого процесса их передачи. Обратите внимание: комментарии по поводу такого рода затруднений, а также корректирующие реплики, возникающие вследствие неспособности их избежать, обычно побуждают использовать местоимения *я* и *мне*, но здесь следует быть крайне осторожным, поскольку в данном случае эти термины обозначают индивида, выступающего в роли аниматора, а не индивида, являющегося автором подготовленного текста. Использование тех же самых местоимений, указы-

вающих на одного и того же человека, может легко привести к упущению существенных различий. Когда говорящий произносит: «Прошу извинить меня», или «Позвольте мне попробовать еще раз», или «Я думаю, на этом мы закончим с обратной связью», автор этих замечаний – индивид, выступающий в роли аниматора, а не индивид, исполняющий роль автора текста. Человек остался тот же, однако его опорная конструкция явно изменилась, причем не менее глубоко, чем если бы это был заместитель докладчика, совершивший ошибку и приносящий за нее свои извинения.

Я сказал, что, если говорящий чувствует возникновение аппаратных или кодировочных трудностей, он может сделать комментарий по их поводу и по поводу любых физических усилий, которые он предпринимает или не предпринимает для их устранения. Незначительное изменение опоры, происходящее, когда выступающий перестает передавать свой текст и вместо этого передает открытое описание своего затруднительного положения как аниматора, в большинстве случаев вполне допустимо и чаще всего будет восприниматься обособленно. Но у каждого формата есть свои ограничения. Структурно значимым фактом дружеской беседы является то, что она позволяет совершать множество подобных рефлексивных нарушений фреймов, в то время как принципиальным условием вечерней телетрансляции, напротив, является их крайне малое количество. Чтение лекции находится где-то посередине. Чувствуя нехватку времени, лектор может изменить голос и сообщить слушателям, что перелистываемые им сейчас страницы он только что решил бегло обобщить посредством импровизированной речи или вообще пропустить, тем самым выражая весьма трогательную просьбу воздать ему должное за то, что он *мог бы* рассказать. Разыскивая страницу, которая отсутствует на положенном ей месте, он может перебирать бумаги, одновременно откровенно описывая то, чем он сейчас занимается. Ища книгу, отрывок из которой он планировал зачитать, он может пошутить, признавшись по секрету, что ему хочется надеяться, что он захватил нужный том. Я полагаю, что после реального начала представления попытки искреннего проецирования себя исключительно в роли аниматора вряд ли предпринимаются – по крайней мере, не столь часто, как убеждены говорящие. Тем не менее такие вольности нередко себе позволяют.

V

Попытаемся теперь собрать все воедино. Было сказано, что с определенной точки зрения лекция представляет собой средство, при помощи которого автор может передавать какой-либо текст реципиентам, и в этой перспективе она очень сильно напоминает все прочие методы передачи текста, например разговорную речь или печатную страницу. В таком случае ключевые различия между имеющимися методами касались бы, по-видимому, стоимости, рас-

пространения и т. д., то есть ограничений на доступ к сообщению. Но если бы подобная передача была центральным моментом лекции, мы имели бы лишь лекции университетского типа, хотя и для них это вряд ли характерно, поскольку иначе их заменили бы другие средства трансляции. На самом деле аудитория не теряет интерес потому, что лекция – это больше, чем передача текста; как было показано, собравшиеся могут осознавать, что выслушивание сообщаемого текста – цена, которую они должны заплатить за то, чтобы услышать говорящего. Аудитория сохраняет внимание – отчасти – в силу чего-то, присущего самому акту говорения во время события преподнесения текста, чего-то, что связывает данный текст с данным событием. Очевидно, понятие шума имеет здесь очень ограниченное применение. То, что в перспективе текста кажется шумом, на самом деле может быть музыкой взаимодействия – главным источником удовлетворенности аудитории событием, основным критерием различия между чтением лекции дома и ее посещением. Позвольте мне остановиться на двух аспектах этого посещения.

Прежде всего, существует вопрос доступа. В любой печатной работе писатель как-то экспонирует себя. Читатели получают информацию об авторе через стиль письма, биографические сведения, интеллектуальные допущения, формат публикации и т. д. В книгах обычно помещают краткую биографическую справку об авторе, и иногда даже фотографию на суперобложке. Полученные таким образом сведения об авторе читатели могут связывать с тем, что они уже знают о нем (если подобное знание имеется). Поэтому, становясь доступным и способствуя знакомству с собой, пишущий побуждает читателей устанавливать с ним своего рода односторонние социальные отношения.

В случае живой лекции наравне с указанными источниками доступа (или эквивалентными им) есть и множество других. Это особенно очевидно в том случае, когда аудитория знакома с говорящим по его публикациям или другим видам деятельности. Как бы слушатели ни относились к лектору раньше, их восприятие модифицируется, когда они получают возможность видеть его во плоти, наблюдать и слушать его в процессе передачи своего текста. Кроме того, сколь бы откровенным и исповедальным ни был написанный докладчиком текст, он может легко усилить такой (или ослабить не такой) его характер в ходе своего выступления, поскольку всегда можно прибегнуть к переключениям и вводным дополнениям, отсутствующим в письменном тексте. И подобное раскрытие и экспонирование лектором себя будет доступно *только* присутствующим слушателям; это нечто гораздо более эксклюзивное, нежели то, с чем обычно имеют дело читатели.

В той мере, в какой говорящий является заметной фигурой в соответствующей области, доступ к нему носит ритуальный характер – не в этологическом, а в дюркгеймовском смысле, т. е. он дает просителям привилегированную возможность вступить в контакт с ценным для них существом. Добавлю, что, получая таким образом доступ к авторитету, аудитория также

получает ритуальный доступ к теме, в которой разбирается говорящий. (Насколько глубок этот доступ – другой вопрос.) На обслуживании этого доступа строится целый лекционный бизнес. Люди, попавшие в поле внимания СМИ в силу своей причастности к одной из актуальных тем, могут организовать личный доступ к себе, отправившись в лекционное турне. В данном случае предварительным условием является не авторитет или глубокое владение академической темой, а исключительно причастность к заголовкам новостей. Предмет этих выступлений в точности совпадает с сиюминутными интересами публики и столь же разнообразен; общим между разными лекторами являются лишь агенты и бюро, организующие выступления. Это крайне пестрое собрание добропорядочных и не очень людей наполняет жизнью то, что сегодня находится в центре всеобщего внимания или находилось там совсем недавно. Каждая знаменитость позволяет аудитории прикоснуться к тому, с чем ей или ему довелось иметь дело; каждая из них продает свою причастность.

Итак, существует вопрос доступа. (Чтобы не сильно надоедать вам, я не стал рассматривать последнюю его форму: небольшие дружеские встречи с докладчиком, организуемые попечителями для избранных членов аудитории по окончании лекции.) Во-вторых, существует вопрос торжественности происходящего. Разница между текстом как таковым и его вербальным преподнесением состоит не только в том, что последнее создает ощущение привилегированного доступа к говорящему, но и в том, что оно усиливает уникальность, сиюминутность, неповторимость события, в ходе которого осуществляется это преподнесение. Вкладывая душу в текущее событие, мобилизуя свои ресурсы, чтобы воздать ему должное, говорящий дарит себя его участникам.

Теперь есть смысл более подробно остановиться на том, каким образом печатный текст, доступный любому компетентному читателю, может превращаться в речь, восприимчивую к локальной ситуации ее произнесения. Рассмотрим несколько приемов «контекстуализации».

Во-первых, существует молчаливое, бережно оберегаемое допущение, что сказанное перед аудиторией было сформулировано специально для собравшихся и именно по поводу данного события. Грубым признаком этого служит упоминание какой-либо животрепещущей темы, с помощью которого лектор показывает, что по крайней мере одно из его утверждений относится целиком к конкретным обстоятельствам текущего выступления. (Это пространственный прием странствующих актеров, предвосхищающий, по-видимому, даже поездки Боба Хоупа¹ по военным базам.) Подобные знаки зловещности особенно часто встречаются во вступлениях.

¹ Боб Хоуп (1903–2003) – знаменитый американский комик, прославившийся своими турами по военным базам и госпиталям. – *Прим. пер.*

Однако есть менее очевидные приемы создания видимости отклика на происходящее. Когда лекция читается посредством импровизированной речи или ее симуляции, связь с текущей обстановкой очевидна. Это позволяет использовать другой вид знаков. Как было показано, для придания оттенка неподготовленности всему выступлению могут использоваться скобочные реплики и вводные замечания, сообщаемые в формате импровизированной речи. (Если эти замечания на самом деле не являются импровизированными, их неподготовленность легко симулируется на основе выученных наизусть фрагментов, поскольку для этого нужны лишь короткие отрезки речи.)

Еще один стандартный метод симуляции, используемый при чтении вслух, – пробежать глазами небольшой отрывок, а затем, глядя на аудиторию, повторить только что бегло просмотренный материал.

Существует также эффект «гипергладкого» выступления. Выше говорилось, что разговорная речь полна небольших заминок – заиканий, повторов, возобновлений, – на которые говорящий и слушатели редко ориентируются; эти мелкие сбои попросту игнорируются. С другой стороны, как раз такие незначительные запинки становятся заметны при чтении вслух, грубо напоминая нам о том, что мы являемся свидетелями именно чтения вслух. Парадоксально, но, читая вслух без этих привычных изъянов, мы можем создать впечатление, что происходит нечто большее, чем просто чтение вслух, нечто более близкое к неподготовленной речи. (Добавлю: гипертекучесть принципиально важна для создания иллюзии импровизации телеведущими.)

Наконец, рассмотрим эффект «высокого стиля», даже если он возникает при открытом зачитывании обращения. Изящество слога – фразеологические обороты, метафоры, аналогии, афоризмы – может считаться свидетельством не только интеллекта говорящего (доступ к которому, вероятно, представляет немалую ценность), но и его желания и умения делать ту работу, которой он в данный момент занимается. Бесспорно, именно «экспрессивное» письмо позволяет потребителю текста ощутить, что его производитель полностью вложил душу в данное конкретное событие коммуникации.

В основе всех этих приемов локализации или индексализации текста лежит стиль или регистр устного дискурса. Признаки «хорошего» письма систематически отличаются от признаков «хорошей» речи, и степень использования лектором нормативных устных форм определяет, в какой мере он будет казаться вовлеченным в событие выступления. Некоторые различия между письменной и устной прозаической речью таковы:

1. Обычно для определения того, что является и что не является двусмысленным, писатели могут руководствоваться советами редакторов, журнальными правилами оформления статей и университетскими учебниками по стилистике, как если бы читатель был обязан применять эти стандарты наравне с писателем. Читатели принимают на себя ответственность за по-

вторное прочтение фрагмента текста с целью прояснения его смысла и готовы мириться даже с большими трудностями, чем «грамматические ошибки». И, разумеется, читатели имеют возможность перечитать отрывок, тогда как слушатели не могут еще раз прослушать высказывание – разве что с помощью аудиозаписи. Письмо также позволяет избавиться от двусмысленности тех фразы, которые в устной речи были бы омонимичными. Кроме того, читателю помогают знаки пунктуации, обладающие фиксированным набором значений (заметьте: большинство этих знаков лишь очень приблизительно и косвенно передаются с помощью звуков). Поэтому предложению, окончание которого отстоит очень далеко от начала, гораздо легче найти эффективное применение в печати, чем в живой речи. Словом, для выступления может потребоваться превращение клауз в предложения. Однако в качестве компенсации допускаются сокращения и пропуски, а также различные формы «смещения влево»¹ и дейктические термины².

2. Принятые способы компоновки печатного текста обеспечивают связность так, как это недоступно в случае устного выступления. В звучащей речи нет абзачных отступов или заголовков разделов. Сноски в печатных текстах позволяют совершать резкие тематические скачки и поэтому могут содержать выражения благодарности, научные комментарии и параллелизмы. (Например, мне было бы трудно сейчас, когда я занят говорением, проиллюстрировать тезис о том, что устная прозаическая речь, в свою очередь, очень сильно отличается от естественного разговора, с помощью цитаты из книги Дэвида Аберкромби «Исследования по фонетике и лингвистике»³, однако на печати это было бы легко и просто сделать посредством сноски.)

3. Как правило, вольности, допустимые при общении со слушателями, невозможны при обращении к читателям. Говорящий обоснованно ощущает, что в ходе выступления перед данной аудиторией ему позволительно употреблять некоторые разговорные выражения, непочтительные слова и пр., которые он опустил бы в печатном тексте. Держа речь, он чувствует, что может преувеличивать, говорить безапелляционно, высказывать заведомо не совсем достоверные вещи и пренебрегать подтверждениями. Он может использовать фигуры речи, за которые ему было бы неловко в опубликованном тексте, поскольку в текущей ситуации он может положиться на людей, которые, как ему кажется, улавливают дух, а не только букву его суждений.

¹ Смещение влево – в лингвистике, характерное для разговорного языка смещение части предложения влево по сравнению с канонической позицией. – *Прим. пер.*

² Дейктические термины – в лингвистике, термины, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи указания на контекст коммуникации: ее участников, место и время. Например, «я», «этот», «здесь», «там». – *Прим. пер.*

³ *Abercrombie D. Studies in phonetics and linguistics. London: Oxford University Press, 1971. – Прим. пер.*

Он также может прибегать к сарказму, репликам вполголоса и другим грубым приемам, которые позволяют ему и его аудитории вступить в своего рода тайный сговор против отсутствующих фигур, иногда сопровождающийся эффектом «вызванного смеха» (добившись которого он может продолжить раззадоривать аудиторию) – чего автор печатного текста не вполне способен добиться от читателя. К тому же говорящий может прервать свое высказывание практически в любом месте и, за счет различной модуляции голоса, вставить что-нибудь вопиюще неуместное. Я должен лишь добавить, что при подготовке текста к озвучиванию автор может попытаться писать устным прозаическим языком, и для него это был бы наилучший вариант. Иногда лекторы зачитывают главу из своей книги или статью, подготовленную к публикации, но при этом не способны удерживать внимание аудитории – так, по крайней мере, обстоит дело с современными исполнителями. Эффективным оказывается лишь тот лектор, который написал зачитываемый текст в разговорном жанре; он заранее связал себя лентой печатной машинки с будущей аудиторией.

Написать текст устной прозой и «экспертно» прочитать его – значит создать ощущение импровизированного выступления. Но любая иллюзия уязвима. Просодическое оформление клаузы, реплики и короткого предложения импровизирующим докладчиком тесно связано с его пониманием общей ориентации или даже тематического содержания дальнейших аргументов. Поэтому, даже неправильно произнеся или пропустив слово, он все равно продолжит двигаться в верном направлении. Наихудшее развитие событий – если его остановят сразу, как только он упустит нужное слово или потеряет основную нить текущего рассуждения. Ведь при чтении вслух говорящий склонен следовать конкретной синтаксической интерпретации (и, тем самым, просодической пунктуации) наличной фразы, обращаясь главным образом к непосредственно наблюдаемой следующей строчке текста. Смысл, соотносящийся с более широким фрагментом его оригинала, – смысл, который должен неизбежно возникнуть, – не сильно помогает говорящему в понимании того, что он сейчас произносит. Простая ошибка в восприятии слова или знака препинания может привести выступающего к радикально неверному истолкованию и соответствующему чтению вслух дальнейшего текста. Последующая – неизбежная – коррекция зачитанного будет демонстрировать, что говорящий все это время создавал ложное впечатление того, что он в курсе высказываемых идей. Как вы знаете, это может слегка раздосадовать.

VI

Теперь я, с вашего позволения, попытаюсь еще раз указать, с чем говорящий выходит за кафедру. Несомненно, у него есть текст. Но каковы бы ни были достоинства этого текста, они доступны и читателям печатной

версии – равно как и репутация его автора. Помимо текста лектор предоставляет слушателям дополнительный доступ к себе самому, а также возможность приобщиться к данному конкретному событию. Он демонстрирует себя аудитории. Он выступает с речью по определенному поводу. В обоих случаях он работает на ситуацию, и эта ритуальная работа совершается в форме сообщения текста. Ни у кого не возникает ощущения, что ритуал стал самоцелью. Как манифестируемое содержание сновидения позволяет снять остроту его латентного смысла, так и передача текста делает возможным совершение ритуального действия.

Своей явной ученостью и гладким выступлением выступающий-автор демонстрирует, что притязания на авторитет, о котором можно судить по его положению, репутации и устроителям мероприятия, обоснованны. Тем самым обеспечивается связь между институциональным статусом, репутацией и текущим событием. В свете этих обоснованных притязаний вводные «украшающие» фразы дают аудитории пример того, каким образом подобный авторитет может с легкостью отбрасываться. При этом дистанция, предписываемая статусом, сокращается, а требование уважительного отношения к авторитету ненавязчиво снимается. Выступающий-автор показывает, что, хотя у него есть внешние причины считать себя особым человеком и некоторые из его текущих действий демонстрируют обоснованность этой претензии, он все же не дает собственным достоинствам ослепить себя. Он осознанно презентует себя в качестве рядового участника собрания, ничем не отличающегося от вас или меня. Тем самым он предоставляет не только опосредованный доступ к самому себе, но и модель самоотношения человека, претендующего на определенное положение (а также модель поведения в непредвиденных обстоятельствах, складывающихся по ходу исполнения). По многим причинам такое моделирование является, быть может, наиболее важным действием говорящего, сближающим его, хочу заметить, с телевизионными персонажами, предоставляющими такого же рода модель, но для более широкой аудитории. (Мне остается лишь мечтать о том, чтобы подобный авторитет существовал в поле взаимодействий лицом к лицу и чтобы я мог, обладая им, проявлять свою непритязательность. Пока же все то, с чем я могу обращаться сдержанно и небрежно, увы, совершенно не достойно подобного обхождения.)

Итак, держащий речь способен встроиться в событие благодаря тому, что он, будучи докладчиком, спонтанно (или как будто спонтанно) «украшает» свой текст, используя его в качестве основы для ситуационно чувствительной передачи, то есть смешивая живые обстоятельства с читаемым материалом. И вследствие определенного отношения к себе он может изложить свой материал так, что его слушатели почувствуют себя в силах в нем разобраться. (Это не значит, что для мягкого отстранения от тех или иных пассажей ему потребуется нечто большее, нежели придание голоса академических ноток.)

Но требуется более глубокое понимание – понимание, согласующееся с основными требованиями, предъявляемыми обществом к исполнителю. Интеллект, остроумие и шарм, которые аудитория будет обнаруживать у многоуважаемого лектора, черты характера, которые она будет приписывать ему, – всё это является результатом действий, которые он предпринимает с целью эффективного «обслуживания» события и, следовательно, его участников, отдавая себя ему и им и подчиняя всего себя данной цели. Поэтому лектору, желающему прослыть среди собравшихся человеком безупречных качеств, можно посоветовать так дистанцироваться от своей темы и соответствующего текстуального Я, чтобы аудитория видела, что он жертвует тем и другим ради нее. При этом аниматор приглашает аудиторию отнестись к тексту точно таким же образом – приглашает той задушевной и дружеской манерой, в которой он говорит о своем материале. Собравшиеся охотно соглашаются занять такую позицию в отношении его текста, поскольку она дает ключ к миру этого текста, одновременно показывая, что людям вроде них вполне по силам оценить текст и что их самих тем самым не недооценивают. Разумеется, подобное отношение к тексту достаточно уважительно, потому что говорящий сам смоделировал его. Следовательно, докладчик обязан быть своим собственным посредником, разделяя себя-как-аниматора, способного произносить слова, и голос аудитории, хотя ей позволено иметь его лишь в рудиментарной форме. (По сути, единственное, что может быть действительно понятно (не говоря уже – интересно) некоторым членам аудитории, – это именно данная установка, которая была принята от их имени в отношении содержания выступления.) Повторяю: дело не только в том, что побочные комментарии говорящего соотносятся с текущим контекстом; то Я, которое их озвучивает, тоже должно строиться с учетом этого контекста.

Здесь перед нами начинает проявляться базовая черта всех взаимодействий лицом к лицу, а именно, способ проникновения более широкого мира структур и позиций в эти ситуации. Заранее подготовленный текст (и подразумеваемое им авторское Я), с которым говорящий выходит за кафедру, чем-то напоминает другие внешние обстоятельства, присутствующие в той или иной локальной ситуации: возраст, пол и социально-экономический статус, с которыми собеседник приходит на дружескую встречу; академические и служебные заслуги, с которыми профессионал приходит на собеседование с заказчиком; принадлежность к корпорации, с которой ее представитель приходит на переговоры. Во всех этих случаях существует проблема трансляции. Обусловленные внешней ситуацией аспекты, облик и форма которых не имеют ничего общего с непосредственным взаимодействием, должны идентифицироваться и отображаться при помощи тех компонентов, которые доступны в локальных обстоятельствах. Внешнее должно быть совмещено с внутренним, каким-то образом увязано с ним, хотя бы для того чтобы

его можно было систематически игнорировать. Как дипломатический протокол является средством трансформации, обеспечивающим включение официального статуса в структуру торжественного события; как обиходная вежливость служит формулой удостоверения возраста, пола и должности в ходе быстротечных социальных контактов, так и, на более глубоком уровне, речевая личность автора связывает его текст и его статус с ситуацией произнесения речи. Заметьте, никто лучше самого индивида не способен дать этому индивиду ситуационно приемлемое толкование, поскольку если в отношении него или того, с чем он отождествляется, и позволительны вольности, то он единственный имеет на них законное право. Если туфли жмут, разнашивать их лучше тому, кто будет в них ходить.

Таким образом, индивид, подготовивший лекцию, сооружает подходящее Я для выступления перед данной аудиторией. Стоя за кафедрой, он реализует соответствующую интерпретацию себя. И он может построить модель подобного управления собой для взаимодействия в целом. Конечно, любой сценический исполнитель напомнил бы вам, что, будучи обязанным выкладываться подобным образом перед аудиторией, он все же не должен выкладываться перед каждым конкретным слушателем – как в случае личного общения, – хотя, надо признать, если по окончании выступления он получит лишь скромные знаки внимания, ему будет сложно удержаться от персонального возмездия. В обмен на эти веселые песни и пляски, в обмен на эту сценическую реализацию досягаемости, в обмен на иллюзию личного доступа – в обмен на всё это он получает уважение, внимание, аплодисменты и гонорар. За что я благодарю и вас.

Но, дамы и господа, это еще не конец. Всегда есть те, кому подавай последний аргумент.

Текст используется говорящим для прикрытия ритуалов исполнения. Да, хорошо. Но ведь можно сказать, что эти махинации приносят ему и его аудитории и более существенную пользу, нежели показано выше. Исполнение побуждает аудиторию и говорящего считать лекцию и ее предмет серьезными, реальными вещами, даже если выступление призвано, напротив, всего лишь позабавить.

И лектор, и аудитория разделяют одно общее допущение. Они сообщая верят, что организованная речь способна отражать, выражать, очерчивать, иллюстрировать – или даже вплотную приближать – реальный мир и что, наконец, реальный, структурированный некоторым образом единый мир существует и доступен пониманию. (В конечном итоге именно это отличает лекции от тех сценических представлений, которые откровенно призваны развлечь.) Именно таков реальный договор лектора. Какова бы ни была область его интересов, к какой бы научной школе он ни принадлежал и будь он благочестивым или нечестивым, он подписывает только одно соглашение и

служит только одному делу: защищать нас от пустопорожних слов, становиться за кафедру, искренне полагая, что с помощью лекции он может передать нам осмысленный образ определенной части мира и что в принципе может иметь доступ к образу, достойному передачи.

В этом смысле любой лектор, уже в силу того, что он осмеливается выступать перед аудиторией, является сотрудником ведомства знаний, активно придерживающимся лишь одной точки зрения, которая, повторю, такова: мир структурирован и его структуру можно увидеть и описать словами, поэтому выступление перед аудиторией и выслушивание лектора – разумные действия, обеспечение которых лишь по чистой случайности было доверено устроителям, сделавшим все происходящее возможным. Даже когда говорящий неявно претендует на то, что только *его* научная дисциплина, *его* методология или *его* данные могут дать достоверную картину, за этой негласной претензией скрывается другая негласная претензия: утверждение о возможности существования таких достоверных картин.

Безусловно, некоторые публичные исполнители выбиваются из общего хора, но они неизбежно теряют возможность читать лекции – хотя, вполне вероятно, им становятся доступны иные формы работы за кафедрой. Те же, кто продолжают произносить слова, должны претендовать на определенный интеллектуальный авторитет в обсуждаемой области, но сколь бы обоснованной или необоснованной ни была их претензия на этот специализированный авторитет, их слова предполагают и подтверждают идею интеллектуального авторитета в целом: то, что из высказываний лектора мы можем узнать кое-что о мире. Задумайтесь о возможности того, что это всеми разделяемое допущение – не более чем допущение и что после выступления лектор и аудитория закономерно возвращаются в бурлящий, противоречивый, беспорядочный круговорот своих непостижимых обстоятельств.

Литература

Bauman, R. Verbal art as performance / R. Bauman // American Anthropologist. 1975. Vol. 77, № 2. P. 290–311.

Frake, Ch. O. Plying frames can be dangerous: some reflections on methodology in cognitive anthropology / Ch. O. Frake // Quarterly Newsletter of the Institute for Comparative Human Development. 1977. Vol. 1, № 3. P. 1–15.

Hymes, D. Breakthrough into performance / D. Hymes // Folklore: communication and performance / ed. by D. Ben-Amos, K. Goldstein. The Hague, 1975. P. 9–74.